

Жайна
старого
поместья

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ПРИДИ В МОИ СНЫ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Оформление серии *Сергея Власова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
Slava Gerj / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Корсакова, Татьяна.

К69 Приди в мои сны / Татьяна Корсакова. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. —
(Тайна старого поместья. Романы Татьяны
Корсаковой).

ISBN 978-5-699-92210-9

Через многие испытания пришлось пройти графу Федору Шумилину, некогда вмешавшемуся в политику по молодости и глупости. Однако даже на каторге его поддерживала одна-единственная надежда: вернуться к своей Айви. Но, приехав на остров, Федор узнал, что дом его разорен, а супруга пропала, и во всем этом виновен один человек. Теперь у Шумилина одна цель — отомстить, а еще осталась мечта — встретиться с женой хотя бы во сне, получить от нее хоть какую весточку. Единственное, что он знает: среди мертвых Айви нет, она застряла между мирами, а такая участь страшнее всякой другой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92210-9

© Корсакова Т., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

...Ласточка кружила в синем, ярком до рези в глазах небе, и следить за ее стремительным полетом было все труднее и труднее, но Федор не смел закрыть глаза, боялся, что чудо, подаренное ему на пороге смерти, исчезнет. Черный росчерк на синем холсте. Красиво. Жаль только, что дышать почти не получается от счастья. Или от боли... Неважно, важно, что он видит свою ласточку, пусть в небе, пусть не рядом с собой, но уж как вышло...

А небо сворачивалось, подчиняясь стремительному полету, закручивалось спиралью, наливалось сначала лиловым, а потом и черным. В этом черном Федор терял след своей ласточки, терял самого себя. И от бессилия, от дикой несправедливости этого сине-черного мира он закричал. Крик вырывался из горла толчками, марал синеву красным, глушил чужой, смутно знакомый голос...

— ...Как же так вышло, Феденька?

Если бы он смог дотянуться до источника голоса, то убил бы. Порвал на мелкие кусочки, пустил по ветру, который вдруг налетел, подхватил бесильное тело на крылья, понес вверх, к небу, на

черном холсте которого кто-то небрежной рукой рассыпал звезды и желтый, почти идеально круглый диск луны. Луна подмигнула Федору, как старому знакомцу, и сорвалась с неба, падая все ниже и ниже. Она летела, а он знал: пришел его конец — и вовсе не испугался, когда желтое вспыхнуло белым, а потом слилось с чернотой. Он больше не боялся смерти...

Смерть просачивалась в него серебряной озерной водой, прорастала сквозь него бурными нитями водорослей, вгрызалась острыми камнями, перемальвала. На дно Нижнего мира Федор опустился, уже не чувствуя ни боли, ни собственного тела — призраком, одним из сотен мертвецов. Пришел его черед. Ну и пусть. Смерть — это всего лишь вежа, а мертвое озерное дно — зал ожидания. Он будет ждать здесь свою ласточку. В своих снах она сможет спускаться к нему в Нижний мир, а когда придет ее час, они уйдут вместе. Или останутся здесь. Если вдвоем, то здесь не так уж и страшно. Вдвоем им вообще ничего не страшно. Он будет ждать хоть целую вечность. Пусть Айви, его ласточка, живет очень долго, до глубокой старости. Он не потянет ее за собой. Никогда!

— Никогда... — тихое эхо его мыслей — или не его? — прокатилось по растресканному озерному дну, ударило в висок. Больно, очень больно. — Никогда...

Желтые огни в пещере горели ярко и победно, а растревоженные мертвецы сбивались в похожие на рыбы косяки стаи, вздрагивали, мелко пощел-

кивали костями, смотрели на Федора с немым укором. Или с жалостью?.. Ему не нужна жалость. Вечность на дне Нижнего мира в окружении мертвецов — не самое большое наказание за то, что он не сберег, не защитил, хотя и клялся.

— Никогда... — Желтые огни в пещере мигнули и погасли, и мертвецы, кажется, вздохнули с облегчением.

— Тебе меня не сломать! — закричал Федор, борясь с болью, сжимая виски руками и зажмуриваясь от невыносимой, осязаемой темноты, заполнившей Нижний мир. — Слышишь ты меня, змеиное отродье?!

Ему никто не ответил, но щеки, опаленной мертвым течением Нижнего мира, что-то ласково и успокаивающе коснулось.

...Он не успел. В который уже раз упустил момент ее появления. Или ухода? В темноте не было никого, лишь издали тихий, смутно знакомый голос звал его по имени. Это не был голос Айви, а значит, не нужно отвечать. Остальные, из Верхнего мира, не имеют никакого значения. Пусть себе живут, лишь бы его не тревожили.

Но они тревожили! Закидывали на дно озера сети слов, тралили его пристанище криками и слезами, тянули к нему невидимые руки, мешали ждать. Федор злился, рвал сети, отбивался от чужих прикосновений, кричал от боли и ярости, а в горло вливалось что-то горькое и горячее, гасящее боль и крик, делающее мертвое тело снова тяжелым и осязаемым.

Потревоженный Нижний мир тоже злился. Его злость прорывалась из растрескавшейся земли дымными гейзерами, сочилась черной гнилой водой, заставляла мертвецов дергаться в неистовом сумасшедшем танце, ворочала остовы затонувших кораблей и неподъемные глыбы камней. А потом Нижний мир устал и от Федора, и от назойливого внимания живых. Нижний мир решил откупиться, выдернуть занозу из своего измученного людьми тела.

Черная вода прибывала стремительно, лизнув босые Федоровы пятки, она перебросилась на колени, а ладоням вдруг стало так больно, словно это была не вода вовсе, а кипящее масло. В этом водовороте он варился заживо, вместе с ошметками плоти теряя остатки разума. Снова умирал в мучениях. В который уже раз. И кричал от боли, молил о пощаде, потому что у человека, простого человека, неостанет сил вытерпеть такое. А он всего лишь человек.

— ...Глупый человечек, — отозвался Нижний мир не то шепотом, не то шорохом и содрал с Федора остатки кожи, а потом плеснул мертвой озерной воды в горло. — Глупый и все еще живой...

...Он вскинулся, захлебываясь водой и собственным криком, отталкивая чужие назойливые руки, отбиваясь от всех миров скопом. Он хотел умереть, но кто-то решил за него.

— Голову держи... захлебнется же, сучий сын! И руку, руку! Повязки все посрывал! — Голос был

мужской, силрый от напряжения, знакомый. — Что ты удумала, женщина? Мы же утопим его сейчас!

— Или утопим, или вытащим! — Его собеседница говорила тихо, уверенно и Федоровы виски сжимала крепко, впивалась в кожу ногтями. — Ему теперь все едино, а я не знаю, как еще... Феденька, не блажи! Успокойся, родной! Возвращайся!

Держала ногтями, как крючьями, и голосом своим ласковым. А он не желал возвращаться. Или не знал как. Как ему в Верхнем мире без кожи, без души? Зачем?

— Больно ему.

Вода больше не лилась в горло, но дышать все равно получалось через раз.

— Сама вижу, что больно. А ты о чем думал, когда его вот такого в лесу одного бросил? О чем думал, я тебя спрашиваю?!

— О том, что, если бы не бросил, он бы уже давно мертвый был, и мы с тобой, возможно, тоже. А ты, женщина, разве не о том же думала, когда пулю в него всадила? Ведь сама, своими собственными белыми рученьками его чуть к праотцам не отправила. Держи его! Крепче держи, пока я ему все кости не переломал! И откуда в нем столько силищи-то...

— Знамо, откуда. Оттуда! И ты, Кайсы, знаешь... Молчи, не мешай мне, не отвлекай! Феденька, посмотри на меня! Это я, Евдокия!

Кайсы...

Евдокия...

Слова обретали смысл, обростали плотью. Призраки из прошлого рвались к Федору, сияясь превратиться в людей, которых он когда-то знал. Которые предали его, едва не убили! И он злился на них, но это была обычная, лишенная ядовитой горечи злость. Жизнь состоит из предательств. За редким исключением. Кайсы и Евдокию Федор считал исключением. До тех пор, пока Евдокия не попыталась его убить.

— За что... тетушка? — Собственный голос показался чужим, больше похожим на птичий клекот, чем на человеческую речь, но она его поняла.

— Феденька... — Когти-крючья разжались, отпуская, а щек коснулись так и вовсе ласково, осторожно. — Вернулся...

— Получилось. — В голосе Кайсы не было ни радости, ни облегчения. Кайсы завсегда мертвецов считал более бесхлопотными и сговорчивыми. Федор помнил.

А еще помнил он отсветы утреннего солнца на прикладе ружья и напряженное лицо Евдокии в прорехе кровавого тумана, помнил, как она щурила правый глаз, прицеливаясь в него. Помнил выстрел и боль. И шепот, раздирающий голову на части, толкающий его, уже почти мертвого, сначала вперед, чтобы убить, а потом назад, чтобы умереть самому. Не получилось ни убить, ни умереть... А Кайсы говорит, получилось.

— Я не хотела, Феденька. Прости меня, ради бога. — Евдокия гладила его по щекам, отчего-то

мокрым, перебирала волосы. — Но по-другому никак нельзя было.

По-другому нельзя. Сколько раз за свою такую недолгую жизнь он это слышал? Сколько раз верил, что ничего не изменить, не исправить? Он уже и со счету сбился.

— Посмотри на меня, Федя. Посмотри. — В голосе Евдокии — горечь вины пополам с мольбой и надеждой. — Ты только глаза открой...

Глаза... Одного глаза у него нет. Да и самого Федора, урожденного графа Шумилина, государственного преступника, беглого каторжника, больше нет. А кто есть? Какое у него нынче имя? Как его теперь станет называть Айви?

Айви! С именем этим к нему вдруг разом вернулось все: и надежда, и силы, и желание жить дальше.

— Где Айви, тетушка?

И глаз он открыл, но тут же зажмурился от нестерпимо яркого света звезд. Звезды лежали на черном бархате ночного неба, драгоценным ожерельем обрамляли ущербный, почти истаявший уже серп луны. Ущербный... А ведь всего-то мгновение назад луна была полной, громкой, требовательной. Луна шептала, и он, Федор, шел вперед, повинуюсь этому шепоту. Хотел убивать. Сам хотел умереть. Безумец! Вот только безумец ли?

Пальцы грызла злая, дергающаяся боль, но Федор сумел дотянуться до обожженного запястья, а нашупал холодную гладь браслета. Кайсы обещал принести оберег. Принес и даже надел прямо на

обожженную, кровоточащую плоть, и теперь браслет, кажется, окончательно стал его, Федора, частью.

— Все хорошо, — шептала Евдокия, — теперь все у нас будет хорошо.

Ему хотелось верить, но что-то не давало сдать-ся в плен ласковым обещаниям. А беспощадный колючий свет звезд прорывался даже сквозь сомкнутые веки, и Федор открыл глаза и не позволил себе их закрыть.

Он лежал у самого берега Стражевого озера, почти полностью погруженный в холодную воду, мокрый, дрожащий, не чувствующий ничего, кроме усталости и боли. Кайсы с Евдокией тоже были насквозь мокрые, по их измученным лицам стекали капли то ли слез, то ли пота, то ли и вовсе озерной воды. А его спасители смотрели на него сверху вниз. Кайсы чуть удивленно, словно не чаял, что Федор вырвется из плена Желтоглазого и собственного безумия. А Евдокия... Во взгляде Евдокии было много чего: и безмерное облегчение, и боль, и жалость, и что-то неуловимое. Вот этого неуловимого Федор боялся больше всего. И Айви не было...

— Где моя жена? — Он попытался сесть, упершись ладонями в черную гальку озерного дна, и тут же взвыл от боли в обожженных руках и простреленной груди. Евдокия в него стреляла, а теперь... что она пытается сделать с ним теперь? Спасти? Обмануть?

Кому верить, если от самого близкого, самого родного можно получить пулю в грудь, если любимая женщина не спешит к нему на встречу?.. Кому?! И нужно ли вообще верить?

— Лежи, Федя! — Тон Евдокии снова сделался жестким, как когда-то давным-давно. — Сейчас отпустит, ты только потерпи. И вот, выпей. — Она поднесла к его губам флягу, свободной рукой сжала голову так, что не вырваться, не высвободиться, велела: — Пей! Не заставляй меня силой вливать.

Он выпил. Не было у него сил бороться с этой непостижимой женщиной. Сил не оставалось даже на то, чтобы дышать. Каждый вдох отдавался болью и клекотом в груди, вырывался кашлем.

— Где Айви? Аким Петрович? — Язык заплетался, горечь от зелья Евдокии делала его неповоротливым, а слова едва слышимыми.

— Расскажу. — Евдокия убрала флягу, в глаза Федору она больше не смотрела, только по голове погладила ласково, как маленького. — Все будет, Федя, ты только отдохни, наберись сил. Кайсы, помоги же мне! За ноги его придержи, а я за плечи. Да не тяни, не тяни!

Его подхватили, вытащили из воды, и боль в руках, чуть утихшая, снова заворочалась, впиваясь острыми зубами в плоть. А звезды над головой закружились вокруг ущербной луны, замигали, чтобы через мгновение погаснуть. И вслед за ними сознание тоже угасло...

Федор очнулся от боли, а еще от голода. Боль и голод, как два зверя, терзали его измученное тело, рвали на части, вытаскивали из благословенного забытья. Пожалуй, голод был сильнее. Федор открыл глаза, осмотрелся. Он не узнавал это место, не был здесь никогда раньше. Над головой его с низкого бревенчатого потолка свисали пучки сушеной травы. Стоило только руку протянуть, и он бы коснулся хрупких мертвых стеблей. Федор протянул. Рука была замотана по самый локоть, на белой ткани некрасивыми бурыми пятнами проступала сукровица и еще что-то желтое, совсем уж отвратительное на вид. Со второй рукой дела обстояли точно так же, разве только под повязками выделялся браслет.

Мужчина лежал на невысоком, сколоченном из досок лежаке, на тюфяке, от которого остро пахло свежескошенным сеном, в комнатухе небольшой и темной, в которой, кроме лежака, помещались только стол с тремя табуретами и печь. Свет проникал сквозь небольшое, засиженное мухами оконце. Тяжелая с виду дверь была прикрыта, но тихо скрипнула петлями, стоило только Федору остановить на ней взгляд. В комнатуху, низко наклонившись, чтобы не удариться о притолоку головой, вошел Кайсы, швырнул на стол освежеванного зайца, стащил с головы волчью шапку и только потом посмотрел на Федора.

— Очухался? — спросил он мрачно, так, что стало очевидно, что факту этому Кайсы совсем не рад.

— Очухался, кажется. — В горле пересохло, и слова царапали нёбо. — Дайте пить.

Кайсы зачерпнул из ведра ковш воды, поднес к губам Федора.

Он пил жадно и боялся, что не напьется никогда, не погасит этот сжигающий нутро огонь. Он готов был выпить все ведро, но Кайсы не дал.

— Хватит, — сказал он. — Сейчас зайчатину будем есть. — Есть хочешь?

Федор кивнул, с тоской посмотрел на лежащую на столе тушку. Сколько еще ждать этой зайчаткины?

— Готовый заяц есть. — Кайсы прочел его мысли. — Евдокия сварила.

В два шага он оказался у печи, отодвинул за-слонку, вытащил чугунок. Федор сглотнул, прикрыл глаза, стыдясь этой своей слабости, утробы своей ненасытной. Когда-то давно с ним уже было такое и сейчас вот повторяется.

— Кайсы! — позвал он, не открывая глаз, — когда придет Айви?

Она уже давно должна была прийти. Или приходила, увидела его вот таким... убогим и... все? Что ж, если так, он поймет, переживет как-нибудь. Кому нужен урод, да еще и калека? Сердце сжалось, и горло тоже, а пальцы вцепились в стеганое одеяло, которым он был укрыт, и бурые пятна на повязках начали наливаться алым.